

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет»
Факультет политических наук
Кафедра религиоведения и теологии
Лаборатория этнокультурных и религиоведческих исследований
ГОУ ВПО «Томский государственный университет»
Музей археологии и этнографии Сибири

МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

ВЫПУСК IV



Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2010

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М64

Ответственный редактор:
канд. ист. наук **П.К. Дашковский**

Редакционная коллегия:
докт. ист. наук **Л.Н. Ермоленко**; докт. культурологии **Л.С. Марсадолов**;
канд. ист. наук **Ю.И. Ожередов**; докт. ист. наук **Т.Д. Скрынникова**;
докт. филос. наук **О.М. Хомушко**; докт. ист. наук **Л.И. Шерстова**;
докт. ист. наук **С.А. Яценко**

М64 **Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе** : сборник статей / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул : Изд-во Азбука, 2010. – Вып. IV. – 376 с.
ISBN 978-5-93957-433-4

В сборнике представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, а также новым религиозным движениям.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей духовной культуры.

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект №10-01-00535 а/G, тема «Влияние мировых конфессий и новых религиозных движений на традиционную культуру народов Российского и Монгольского Алтая») и ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект 2010-1.1-303-124-031 «Культурный капитал как условие и фактор инновационного развития Западной Сибири»)

ISBN 978-5-93957-433-4

© Оформление. Издательство
Алтайского государственного университета, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
I. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ	
<i>Вертиенко А.В.</i> К проблеме семантики горита и стрел в представлениях ираноязычных номадов Евразии	8
<i>Коников Б.А.</i> Конь в культуре и искусстве средневекового населения Омского Прииртышья, Южной Сибири и Казахстана: общее и особенное	24
<i>Марсадолова Т.Л.</i> Художественный образ ангела: от первобытности к средневековью	39
<i>Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Ч.</i> Археологический комплекс на перевале Давдаг-кутул в Западной Монголии	54
<i>Серегин Н.Н.</i> К вопросу об интерпретации «ритуальных» курганов (по материалам тюркской культуры)	78
<i>Сериков Ю.Б.</i> Человеческие жертвоприношения на культовых памятниках Урала	83
<i>Симонова И.Л.</i> «Когда на небе светили три солнца». (опыт реконструкции мифологического сюжета)	102
<i>Суразаков А.С.</i> Образы прародительниц в петроглифах Куюса ..	110
<i>Татаурова Л.В., Кромм И.Д.</i> Ставрографические материалы как источник по изучению культового медного литья у русских и христианизация аборигенов Сибири	115
<i>Ярков А.П.</i> К вопросу о месте ислама в Южной Сибири в раннее средневековье	126
II. СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	
<i>Амоголонова Д.Д.</i> Возвращение Хамбо Ламы Итигэлова в контексте бурятского этнокультурного возрождения	140
<i>Бурнаков В.А.</i> К вопросу о культе орла у хакасов	153
<i>Головизнин М.В.</i> «Нарышкинские» храмовые постройки Татарстана. Булгарско-среднеазиатский след?	164
<i>Дашковский П.К., Цэдэв Н., Шершнева Е.А.</i> Некоторые особенности этноконфессиональной ситуации в Баян-Ульгийском аймаке Монголии	180
<i>Жуков А.В.</i> Этнические, гражданские и конфессиональные предпочтения агинских бурят	187
<i>Немых А.П.</i> Ритуальная грация киргизского прикладного творчества	196
<i>Николаева Д.А.</i> Архаические воззрения бурят конца XIX – начала XX в. на женское шаманство	203

<i>Осмонова Н.И.</i> Имя как миф и символ человека традиционного общества кочевников	215
<i>Останин В.В.</i> Естественные памятники ведической цивилизации на Алтае	222
<i>Прохорова Н.А.</i> Культовые сооружения как памятники материальной культуры кыргызского народа	231
<i>Рахно К.Ю.</i> Теппоральные структуры в украинских мифологических сюжетах о гончарах (особенности архаического восприятия праздничного времени)	240
<i>Сивцев И.С.</i> Праздник Ысыях в традиционной культуре народа Саха	250
<i>Сивцева С.И.</i> Некоторые черты шаманской мифологии	255
<i>Шершнев Е.А.</i> Взаимоотношение мусульман с Русской православной церковью в XIX в. на Алтае.....	264
<i>Шкурко Н.С.</i> Влияние этноконфессионального фактора на политические процессы в регионе (на примере Республики Саха (Я))	273

III. ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАРОДОВ В ЭПИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

<i>Бакиров А.А.</i> Вооружение и военная тактика киргизских воинов (на примере героического эпоса «Манас»).....	290
<i>Гуцуляк О.Б.</i> Развитие евразийского мифологического образа гер/Кер Кер-оглы – сына могилы и правителя страны Чамбули Мастоу	297
<i>Егорочкин М.В.</i> Погребальное исполнение героического эпоса у тюрков Южной Сибири.....	315
<i>Кожобекова А.Ш.</i> Специфика пространственно-временного мифоэпического контекста пути у киргизских номадов (на материале малого кыргызского эпоса «Кожожаш»)	325
<i>Конунов А.А.</i> Отражение культа гор в алтайских героических сказаниях	335
<i>Новрузова Н.С.</i> Миссия имянаречения в эпическом памятнике огузских тюрков «Деде Коргуд»	341
<i>Нургалиева А.Б.</i> Демонические существа в мифологической прозе	348
<i>Русакова М.В.</i> Взаимосвязи древнеиранской мифологии и фольклора восточных славян	353
<i>Эшимбекова Н.С.</i> Мифопоэтическая традиция кыргызов	361
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	369
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	370

Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк-I. Омск, 2010.

Фролова Г.И. К вопросу о технологии выговского (поморского) литья) // Русское медное литье. М., 1993. Вып. 2.

Ширин Ю.В. Поселенческие и погребальные комплексы российских переселенцев XVII–XVIII веков в Кузнецком крае // Русские старожилы: материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2000

Шляпкин И.А. Древнерусские кресты. Кресты новгородские до XV века, неподвижные и не церковной службы // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб., 1907. Т. VI, вып. 2. С. 49–84.

А.П. Ярков

Тюменский государственный университет;

Тобольская научная станция РАН

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ИСЛАМА В ЮЖНОЙ СИБИРИ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Во главе Золотой Орды
Есть хан, по имени Токтамыш,
Множеством народов вассальных,
Как слугами, управлял.
Брал он с них дань за имущество,
А из народа – слуг.
Признавал лишь свое разуменье
И жил как Тенгри.

В данном фрагменте средневекового эпоса «Едигей» упоминается правивший в Сибири Токтамыш, а *Тенгри* трактуется как один из синонимов *Аллах*, хотя иногда оно обозначает имя широко распространенного у населения Южной Сибири архаичного Верховного божества. И здесь надо принять за аксиому, что согласно исламским нормам ни один правоверный не мог жить как Аллах и, тем более, сравниваясь с ним. Поэтому необходимо признать, что ислам не являлся единственным источником духовности в регионе. Он здесь сосуществовал, хотя и весьма неоднозначно, с христианством и архаичными верованиями, а их приверженцы в процессе общения нарабатывали опыт толерантности. Забвение этого опыта

может нанести огромный ущерб обществу, чему должны препятствовать жизненная мудрость верующих и атеистов, духовный авторитет служителей культа, научные исследования ученых, которые используют новейшие открытия и методы, позволяющие дополнить, а то и пересмотреть прежние положения.

Южную Сибирь как пространство можно охарактеризовать через абсолютность и относительность, конечность и бесконечность, прерывность и непрерывность процессов в нем, гомогенность и гетерогенность населения, но ключевым подходом является историко-географический аспект – принятое самоограничение в освещении событий, по преимуществу происходивших на пространстве края в период Средних веков. Это логично ставит вопрос о необходимости изучения специфики региона, где, во многом (но небезукоснительно) следуя законам суровой природы, сибиряк выживал и потому почитал ее, органично включая в образы *сибирского ислама*. И это не исключительное явление, ибо любое религиозное представление о мире строится в рамках определенных природных (ландшафтных), социальных и политических пространств, на противопоставлении сакрального и профанного. Эти сферы (области), в которых протекает жизнь верующего, имеют взаимодополняющий характер, что, в принципе, обуславливает и местную специфику ислама, ибо она сложилась не только под влиянием пришедшего из Центральной Азии суннизма, но и предыдущих архаичных верований, образовав исламско-языческий синкретизм/синтез/контаминацию (Белич И.В., 1989, с. 133–140; Валеев Ф.Т., 1993, с. 149–205; Seleznev A.G., 2000, p. 341–357; Zarcone T., 2000, p. 279–296).

Особенности и механизм функционирования *сибирского ислама* можно понять, если исходить из методологического подхода к нему как системе и единственно реальной, объективной форме, отражавшей сформировавшиеся в течение времени в регионе представления и потребности конкретной общности людей. Признавая нестабильность мира, И.Р. Пригожин (1991, с. 46), полагал, что она все же приводит к «новой рациональности». Ислам в регионе можно уподобить сложной неравновесной открытой системе, которая эволюционировала от беспорядка к порядку, от неустойчивости к равновесию, от непредсказуемости к логике и т.д., хотя бы исходя из того положения, что всякая открытая система обладает внутренним потенциалом развития, выбирая из нескольких возможных вариан-

тов один, как будто отвечающий на «вызов» времени. Иногда путь оказывался обманчивым и тупиковым. И все же, преодолевая случайные флуктуации, возникающие в точках бифуркации, исторический процесс возвращается к определенной траектории развития (Жидков В.С., Соколов К.Б., 2001, с. 25).

Если даже на Ближнем Востоке ислам и при жизни пророка Мухаммеда был принят не сразу, то социальная среда Сибири еще в меньшей степени готова была его усвоить – сам принцип кочевого быта и бытия (в постоянных передвижениях и в прямой зависимости от природы, ритмы которой распространяются на все сферы жизни кочевников) повлиял на особенности их отношения к исламским нормам, сформировав специфическую картину мира, в том числе на подсознательном уровне. Тем не менее любопытно выяснить: почему «первые страницы» сибирской истории ислама связаны с Алтаем (да и монеты Золотой Орды там обнаружены)?, ведь активно эта религия стала распространяться по всему пространству края из Среднего Прииртышья.

Не отрицая значения расположенного на стыке пояса евразийских степей и просторов Центральной Азии Алтая, следует признать его окраинное положение, что отразилось и на его судьбе. Здесь необходимо учесть: формируемая в процессе социализации религиозная идентичность «мусульмане» в ряде случаев была выражена ярче, чем этничность; при сохранении некоторых «стержневых» элементов этнические процессы на всем протяжении – до Нового времени включительно, не вышли на «фазу стабильности».

Сама природа определила своеобразие региона, где проходили этнокультурные процессы, оказывая влияние на состояние и эволюцию проживающего здесь социума: Енисей, Обь, Томь и Иртыш служили определенным (но преодолемым) барьером от нападений с востока, Алтай – с запада и юго-востока, тогда как с юга и севера никаких серьезных природных препятствий не существовало. С другой стороны, сам массив Алтайских гор с многочисленными долинами и мягким климатом представлял как надежную защиту от набегов, равно как и комфортную зону – для нападавших кочевников, не спешивших покидать район (Гумилев Л.Н., 1993, с. 151; Жерносенко И.А., 2004, с. 28; Сагалаев А.М., 1992, с. 61), довольствующихся быстро возобновляемыми ресурсами природы.

Трудно объяснить с позиций европейской науки и ее макротеорий возникновение государственности в Западной Сибири, по-

скольку социально-исторический процесс имел здесь свою специфику, но это не превращает регион в исключительную и обособленную зону. Средневековье являлось временем интенсивного перемещения населения по обе стороны от Алтайских гор, которые не были преградой для политических, хозяйственно-культурных и этнических контактов, сопряженных этнополитических процессов. На трансформацию культуры всегда влияло множество факторов, но, войдя в подчинение Золотой Орде, часть населения лесостепной зоны Сибири оказалась многообразнее (чем в предшествующие столетия) включенной в континентальные процессы. Если большинство из них – пассивно, став потребителями духовного и материального продукта, то меньшинство – активно, будучи занятым в сфере управления, так как управление от имени этого политического объединения осуществляла местная знать, унаследовав и институт тарханства (Федоров-Давыдов Г.А., 1973, с. 26; История..., 1997, с. 129). Другие, но тоже из меньшинства, были заняты в функционировании и обслуживании коммуникаций Великого шелкового пути в районе Алтая, поскольку через него проходил путь торговых караванов, дипломатов и миссионеров из Европы и Центральной Азии, двигавшихся дальше на восток*.

Ставим под сомнение точку зрения, что появление городков и становление самостоятельной государственности так называемого раннефеодального типа обязательно вызывают соответствующие перемены в идеологической надстройке общества, ибо жесткой привязки быть не может. Тем более, что природа и генезис здешних поселений весьма отличаются от западноевропейских, восточнославянских и поволжско-тюркских, в основе которых лежали политические и охранительные задачи подчинения пространства и торгово-ремесленные функции, а сами идеи об их возникновении «возникают в определенной социальной и демографической ситуации, когда организация общества становится настолько сложной, что дальнейшая его жизнедеятельность без координирующих центров оказывается невозможной (Соболев В.И., 2008, с. 49; Халиков А.Х., 1991, с. 58; Хузин Ф.Ш., 1993, с. 6; Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю., 1988, с. 29). Городки, «лежащие в развалинах», ви-

* Возможно, это подтверждает алтайская легенда о богатыре Сартыкпае – устройтеле дорог, переправ и русел рек, в имени которого угадывается среднеазиатское наименование – сарт.

дел путешествуя по краю Саллам ат-Тарджуман в IX в., хотя трудно поверить, что живущие в 26 днях пути от ставки хазарского кагана люди говорили с «посланцами эмира верующих» по-арабски и по-персидски.

Процессы урбанизации, начавшиеся в крае, оказались частично прерванными в результате таких событий середины XIV в. в улусах бывшей Монгольской империи, как восстание в Китае против монголов, начало эпидемии чумы и Великой Замятни в Золотой Орде, что стало причиной прекращения функционирования Великого шелкового пути, приведя к угасанию оседлой культуры по его трассе и ее ответвлениям. В свою очередь, оказалось определенным препятствием в распространении мировых религий. Соответственно, ислам не мог быть ни стимулирующим фактором урбанизации, ни гарантией продолжения городской жизни. Одним из показателей городского типа может служить наличие развитых ремесел, но вряд ли были люди (кроме Рудного Алтая), занимавшиеся только ремеслом – слишком мал рынок, а спрос на необходимую утварь удовлетворялся приезжими купцами (так попадали даже на Крайний Север изделия из Центральной Азии) и собственными силами.

Как сложна этническая история региона, так и многогранно культурное наследие, в том числе и ее религиозная составляющая. Сибиряки, проживая на перекрестке древнейших сухопутных дорог и крупных водных путей, способствуя перемещению материальных, людских, информационных потоков, сами испытали на себе перекрестное влияние мировых цивилизаций и региональных культурных комплексов. Особенно это проявлялось на Алтае – самом благоприятном месте «в сохранении культуры, даже зародившейся совсем в других местах» (Гумилев Л.Н., 1993, с. 151).

Установлено, что уже вскоре после утверждения ислама в качестве государственной идеологии на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, в поисках новых рынков сбыта арабские и среднеазиатские купцы добирались и до бассейнов Иртыша, Оби, Енисея, собирая и распространяя, по возвращении, сведения о крае и, наоборот, сообщая сибирякам о географии, *другом* населении и их культуре.

Классическим «фоном» к переходу от архаичной системы верований (связанной с обожествлением природных сил, но якобы, не способствующих консолидации) к монотеистическим, служит становление институтов феодального общества с определенным уров-

нем и темпами развития экономики. Между тем в крае отсутствовали многие из условий и факторов, определявших наличие феодальных (в европейском понимании или применительно к Ближнему Востоку, Поволжью и Центральной Азии) отношений. Одним из признаков этих отношений, по традиции, считалось государство, которое «как общественный союз, предполагающий оседлый образ жизни и устойчивые отношения к земле, следовательно, и сложные экономические и общественные отношения, является результатом продолжительного исторического процесса, насчитывающего века» (Алексеев А.С., 1910, с. 43).

Феодализм в Сибири можно рассматривать только как идею и образ удельной системы власти (переданной по наследству, либо захваченной насильно), поддерживаемой воинской силой, но и она появилась поздно – когда уже не существовало могущественного Арабского халифата, а центрально-азиатские и поволжские государства оказали, как убедимся ниже, слабое воздействие на сибирских единоверцев. И если политическая система обеспечивала прочность государству, то использование адата и шариата в качестве кодекса правил взаимоотношений между властью и массами, внутри уммы и за ее пределами, решало практические проблемы общежития, определяло поведение мусульман по отношению к иноверцам и язычникам (к которым относились аборигенные этносы региона). Более жизнеспособными в регионе оказались нормы обычного родового права в виде комплекса «симбиозных правовых обычаев», где «традиции отфильтровываются, не противоречащие канону сохранялись, оставляя впечатление преемственности с прежней правовой культурой.

Первым известным на сегодня памятником арабской эпиграфики в Сибири является печатка – сердоликовый кабошон с гравировкой в виде зеркально прочитываемой надписи «Ал-Хасан ибн Мухаммад», которая по стилю отнесена к IX–X вв., но не дает основание говорить о повсеместном распространении здесь арабской письменности ислама (Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, с. 277). Да и на Алтае, особенно в Горном, сыгравшем важную роль в первоначальных контактах с центрами исламской цивилизации, не выявлено «исламских» памятников развитого Средневековья (Тишкин А.А., 2007, с. 226).

Возможность познакомиться в Южной Сибири с исламом появилась, когда здесь стали регулярно проходить и останавли-

ваться караваны под началом поволжских и среднеазиатских купцов, выступавших, согласно догматам своей религии, и активными миссионерами. Отметим, что немаловажную роль в распространении ислама могли сыграть и реформы, проводившиеся в Золотой Орде. Известно, что в первой четверти XIV в. хан Узбек провозгласил ислам в качестве государственной религии, скорее всего, при непосредственном влиянии значительной группы богатых купцов (Хабибова Э.А., 2006, с. 136). Несмотря на это, активная исламизация оказала влияние в основном только на аристократические группы (Кульпин Э., 2006, с. 41-42), близкие к хану, в то время как рядовое население, особенно на периферии региона, фактически не претерпело никаких изменений в религиозной сфере. В то же время, по косвенным данным, можно заключить, что в период правления Узбек-хана была сделана попытка распространить ислам и в Сибири (Материалы..., 1969, с. 348).

Попытки исламизации проводились и в более позднее время, вплоть до начала Великой Замятни в Золотой Орде, но до середины XV в. массового принятия ислама в среде рядового населения не было (Маслюженко Д.Н., 2006, с. 90–93). Больше оснований говорить об единичных контактах сибиряков с мусульманами и, возможно, первых индивидуальных попытках миссионерства, исходя из знания об общей природе ислама, требующего от его сторонников повсеместно говорить об истинной вере, считая остальных «заблудшими». Распространялось это правило и на культуртрегеров – купцов из мусульманских регионов, шедших с товарами по трассам Великого шелкового пути и его ответвлениям. Это был первый импульс в распространении идей и предметов, несущих отпечаток исламской культуры – поскольку демонстрировали успешность развития ремесел и перехода к новым технологиям, идеологически обеспеченную исламом, поощрявшим (в тот период и на том уровне развития социума и техники) новации. Одновременно, предполагаем, те миссионеры чувствовали превосходство над сибиряками-«язычниками», не способными ни в религиозно-культурном, ни в предметном мире состязаться с достижениями той цивилизации, которую они представляли, являясь сюда с товарами и идеями. Но чем больше культурная дистанция – в представлении миссионеров – тем более деструктивными оказались их попытки навязать новые ценности и идеи.

Установлено, что в XIII–XIV вв. на Саяно-Алтае возникли фактории мусульман-купцов, монополизировавших караванную

торговлю, соответственно, распространявших свои религиозные идеи (Худяков Ю.С., 2002, с. 232). К аналогичному выводу пришел и Д.С. Маркус, анализируя данные погребений по мусульманскому обряду еще восточнее – на правом берегу Хемчика, близ устья Барлыка – как караванном пути в Китай (Тува..., 2006, с. 221).

С.В. Киселев (1951, с. 615–616) писал, что «мусульманские погребения, относящиеся к предмонгольскому времени, обнаружались в результате раскопок Теплоухова в Туве». Исследования комплекса Подгорное дали основание для утверждения, что захоронения совершены по мусульманскому обряду (Илюшин А.М., 2002, с. 52), но есть определенная опасность идентификации всех трупоположений в грунтовых (а не курганных) могильниках на спине с втянутыми вдоль тела руками, с ориентацией на юго-запад, так как М.П. Грязнов (1956) указывал – эта традиция на юге Западной Сибири имеет глубокие корни – вплоть до эпохи бронзы. Подобные факты отмечены и на памятниках алтайских тюрок Среднего Енисея.

Погребальный культ имеет важное значение, так как связанные с ним мировоззренческие устои и традиции являются одними из самых консервативных, долго сохраняющихся в культуре. А человек, определяющий свое отношение к переходу из Мира бренного в Мир вечный, в одном из последних пожеланий высказывает просьбу похоронить рядом с предками с соблюдением всех ритуалов и обрядов, принятых в их семье, роде, местности, отражая сформировавшийся стереотип поведения. Могло бы быть свидетельством мусульманизации погребальный саван и ориентация на Мекку, но по региону они имеют самые разные вариации, а ткань нередко заменяла береста (Морозова Т.С., 2009, с. 170–173). Иных свидетельств мусульманского погребального обряда (подбоев, исламской символики, надписей арабской вязью) не зафиксировано, но некоторые ученые считают, что на основании этих материалов дата исламизация Сибири может быть изменена (Мельников Б.В., 1991, с. 153; Соболев В.И., 1994, с. 140–142; Тихонов С.С., 1994, с. 155; Frank A.J., 2000, p. 251).

Исследователи не раз отмечали, что в истории региона проблема становления, развития и взаимоотношений государственных образований, сформировавшихся на его территории, остается неразработанной, хотя в минувшие десятилетия существенно возросло число публикаций, в том числе посвященных теоретическим

моделям их возникновения. Ныне преобладает представление о любом государстве как системе специальных (специализированных) институтов, органов и правил, обеспечивающих внешнюю и внутреннюю политическую жизнь общества; данная система в то же время есть отделенная от населения организация власти, управления и обеспечения порядка, которая должна обладать следующими характеристиками: а) суверенностью (автономностью); б) верховностью, легитимностью и реальностью власти в рамках определенной территории и круга лиц; в) возможностью принуждать к выполнению своих требований, а также изменять отношения и нормы (Гринин Л.Е., 2007, с. 23). Однако всей проблемы государственности такая концепция не охватывает. Тем более, она не в состоянии отразить рассматриваемую в рамках данной работы специфику становления сибирской государственности.

Между тем нельзя не заметить, что есть определенные черты преемственности между правом империи Чингисхана и юридической традицией, существовавшей при удельных правителях, владевших Сибирью. Так, известно, что в улусе Джучи одновременно существовали *торе / тура* («сакральное право», олицетворяющее Высший порядок) и *яса*, предназначенные закрепить статус Золотой Орды: «Узбек постоянно требовал от них обращения в правоверие и побуждал их к этому. Эмиры же отвечали ему на это: "Ты ожидай от нас покорности и повиновения, а какое тебе дело до нашей веры и нашего исповедания и каким образом мы покинем закон (*тура*) и устав (*яса*) Чингиз-хана и перейдем в веру арабов"», что, очевидно, свидетельствует – силы сторонников *ясы* были существенными. При этом Узбеку пришлось лавировать между мусульманами и «язычниками», которых возглавляла кочевая знать, увидевшая в исламе угрозу своей власти. Иными словами, на первое место, вместо ожидаемой пользы объединившихся людей, выдвинулась реальная польза присвоившего власть правителя. А «тонкие обычаи» и «великие законы» из условий гарантирования реализации ожиданий превращались в инструмент укрепления собственности правителя на доверенную людьми власть.

К тому же среди элиты религиозная реформа велась жесткими и насильственными методами. В результате улусы сохранили лишь те местные правители, кто принял ислам. Отметим, что на законы Чингисхана ссылались и другие потомки Джучи, принимая решения по спорным вопросам (Почекаев Р.Ю., 2006, с. 309). Что

же касается периода рождения здесь самостоятельных государств, то обычное право и шариат (регуляторы публичного и частного права) выступали, возможно, дополняющими друг друга элементами, а в отсутствии знатоков шариатских норм и не востребоваваемости (незакрепленной потребности) в социуме превалировало обычное право. Возможно, сосуществование обычаев и шариата допускалось сознательно, именно как средства, обеспечивающего возможность маневрирования, оправдывающего феномен присвоения правителем доверенной ему сообществом людей власти.

Да и в целом ислам в то время не сильно влиял на общественное сознание, образ жизни и хозяйства, так как археологи зафиксировали, что в Новосибирском Приобье даже в монгольское время «ни смены культуры, ни смены населения не было» (Адамов А.А., 2002, с. 16), а А.Г. Нестеров (2002, с. 18) был убежден, что и позже XIII в. «активных распространителей ислама среди тайбугидских правителей не нашлось», т.е. эта религия еще не стала ключевым фактором трансформации местного социума. Для большинства населения традиционные верования продолжали выступать ценностно-смысловым фундаментом, на котором «выстраивалось здание» жизни и, вполне возможно, что сама идея непримиримости к «язычникам» возникла как средство, маскирующее присвоение правителем доверенной ему власти. Допускаем также, что ислам первое время был не объединяющей местное сообщество идеей, а всего лишь инструментом поддержания собственности правителя на власть, оправдавшим себя в определенной ситуации.

Большинство ученых сходятся во мнении, что ислам в крае активно стал утверждаться в XIV–XVII вв. и расходятся лишь в вопросе о принадлежности миссионеров: из Поволжья или Центральной Азии (Ахметова Ш.К., 1994, с. 13–14; Белич И.В., 1988, с. 103–106; БРЭ, 2004, с. 233; БТЭ, 2004, с. 97; Бустанов А.К., 2009, с. 159; Зиев Х.З., 1968, с. 8; Токарев С.А., 1958, с. 444–445; Томилов Н.А., 1998, с. 13–17).

Взаимопроникновение различных религиозных систем и культов происходило во все времена. Ислам, разрушивший прежние религиозные верования, «способствовал такому смешению и сам был вовлечен в этот процесс. Нередко невозможно определить, какому этническому пласту или к какой форме религии принадлежат те или иные ритуалы, воззрения, мифологические сюжеты, потому что религии разных времен и народов имеют много общих

черт» (Прозоров С.М., 1994, с. 235), а совместная жизнь (хотя и разделенных пространством) в одном регионе мусульман и «язычников» рождала примеры веротерпимости. Да и приходящие сюда христианские миссионеры не были вооружены «мечом».

Постепенно у населения Южной Сибири появился опыт взаимодействия как с ранними, так и с развитыми формами религий, а в целом заметим, что миссионерский этап представляет собой первую попытку проникновения и привнесения сформированных в иной среде ценностей в *другую* среду. В этом отношении ислам с его гибкой конструкцией мог стать более органичной моделью для значительной части населения, но нужны были иные социально-экономические условия и потребности сибирского сообщества – в смене идеологических приоритетов: от архаичных верований – к системе, а единичные контакты с носителями мировых религий лишь показали их возможности.

Скорее всего, с количественным увеличением объединявших лидера сообществ людей обычаи и религиозные догмы (а прежде них, возможно, молва и предания) были изначально средством гарантирования авторитета вождя, которого далеко не всегда и не все объединившиеся в сообщество кочевники могли видеть. И только впоследствии догмы и обычаи стали обоснованием необходимости смирения перед собственником власти. Исследователи выделяют комплекс причин, обусловивших формирование протогосударственных образований, а среди них обычно называются социально-экономические изменения: расширяющийся процесс феодализации и классовое расслоение, а также рост городских поселений и ремесленного производства, появление земледелия (Бояршинова З.Я., Степанов Н.Н., 1964, с. 475–504; Гарифуллин И.Б., 2001, с. 23; Сафаргалиев М.Г., 1996, с. 473; Файзрахманов Г.Л., 2005, с. 98). В крае также происходило социальное расслоение, и появилась частная собственность, но прежде всего на скот, а только затем и на землю как пастбища.

Насильственные компоненты заложены в идеологию всех вероучений, претендующих на *свою* Истину, а появление в Сибири больших групп вооруженных мечом и Кораном мусульман совпало, по времени, с новым этапом развития социально-экономических отношений в регионе – рождением государственных объединений нового типа. И в этом нет попытки умалить заслуги и принизить место других религий в жизни местного населения, а

есть лишь констатация того, что более подходящие к тем условиям «зерна ислама» оказались на плодородной «почве» и элита (а затем и большая часть сообщества) по собственной воле или под нажимом государства, но выбрала именно эту религию и, соответственно, иную систему морально-этических ценностей.

Библиографический список

Адамов А.А. Тюркские древности Новосибирского Приобья // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2002.

Алексеев А.С. К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве. Ярославль, 1910.

Ахметова Ш.К. Глубина этнической памяти (к истории распространения ислама у омских казахов // Ислам, общество и культура: материалы междунар. науч. конф. «Исламская цивилизация в преддверии XXI в. (К 600-летию ислама в Сибири)». Омск, 1994.

Белич И.В. О начале исламизации сибирских татар // Проблемы этнографии и социологии культуры. Омск, 1988.

Белич И.В. Природа в доисламских верованиях сибирских татар // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1989.

Большая Российская энциклопедия: в 30 т. М., 2004.

Большая тюменская энциклопедия: в 3 т. Тюмень, 2004. Т. 3.

Бояршинова З.Я., Степанов Н.Н. Западная Сибирь в XIV–XVI вв. // Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964.

Бустанов А.К. Ранняя версия сочинений об исламизации Сибири // Сулеймановские чтения: материалы XII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Тобольск, 2009.

Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1993.

Гарифуллин И.Б. Очерки истории татарского населения Тюменской области. Тюмень, 2001.

Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс: в 3 т. Т. 1: Эпоха формирования государства: общий контекст социальной эволюции при образовании государства. М., 2007.

Грязнов М.П. История древних племен верхней Оби // МИА. №48. М.; Л., 1956.

Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993.

Жерносенко И.А. Тюркское средневековье // Лекции по истории культуры Алтая. Барнаул, 2004.

Жидков В.С., Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности. СПб., 2001.

Зиев Х.З. Узбеки в Сибири. Ташкент, 1968.

Илюшин А. М. Кузнецкие татары по историко-этнографическим и архивным источникам // Культурное наследие народов Западной Сибири. Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума. Тобольск; Омск, 2002.

История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. Уфа, 1997.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

Кульпин Э. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. М., 2006.

Маслюженко Д.Н. Исламизация Сибирского улуса: к вопросу хронологии // Сибирь на перекрестье мировых религий: материалы III межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. М.И. Рижскому. Новосибирск, 2006.

Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв.: (извлечения из персидских и тюркских соч.) / сост. С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. Алма-Ата, 1969.

Мельников Б.В. Поздние погребальные памятники таежного Прииртышья // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991

Морозова Т.С. Общее и особенное в погребальном обряде татар Западной Сибири // Археология и этнография Азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы): материалы XLIX регион. арх.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых. Кемерово, 2009.

Нестеров А.Г. Искерское княжество тайбугидов (XV–XVI вв.) // Сибирские татары. Казань, 2002.

Почекаев Р.Ю. Особенности формирования и эволюции правовой системы Улуса Джучи // Тюрколог. сб. 2005: тюркские народы России и Великой степи. М., 2006.

Пригожин И.Р. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. №6.

Прозоров С.М. Ислам единый, ислам региональный // Ислам и проблемы межкультурных взаимодействий. М., 1994.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура) / отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск, 2008.

Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск, 1992.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... Из опыта образования и распада государств X–XVI вв. М., 1996.

Соболев В.И. История сибирских ханств (по археол. материалам). Новосибирск, 2008.

Соболев В.И. Распространение ислама в Сибири // Ислам, общество и культура: материалы междунар. науч. конф. «Исламская цивилизация в преддверии XXI в. (К 600-летию ислама в Сибири)». Омск, 1994.

Тихонов С.С. Некоторые аспекты исламизации народов Сибири // Ислам, общество и культура: материалы междунар. науч. конф. «Исламская цивилизация в преддверии XXI в. (К 600-летию ислама в Сибири)». Омск, 1994.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая: монография. Барнаул, 2007.

Токарев С.А. Этнография народов СССР. М., 1958.

Томилов Н.А. Ислам и культура Сибири // Влияние ислама на культуру народов Сибири: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 600-летию ислама в Сибири. Тюмень, 1998.

Тува: словарь культуры / авт.-сост. Д.С. Маркус. М., 2006.

Файзрахманов Г.Л. Сибирские татары в составе Российского государства: дис. ... докт. ист. наук. Казань, 2005.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

Хабибова Э.А. Феномен городской культуры Золотой Орды в контексте степного права // Проблемы города в культурной антропологии: история и современность (III Колосницынские чтения): материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2006.

Халиков А.Х. Ислам и урбанизм в Волжской Булгарии // Биляр – столица домонгольской Булгарии. Казань, 1991.

Худяков Ю.С. Горный Алтай в монгольское время. Политическая и этнокультурная ситуация в Горном Алтае в XI–XIV вв. // История Республики Алтай / под ред. А.П. Деревянко. Горно-Алтайск, 2002. Т. 1.

Хузин Ф.Ш. Итоги и перспективы изучения болгарского домонгольского города // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань, 1993.

Frank A.J. Varieties of Islamization in Inner Asia: the case of the Baraba Tatars, 1740–1917 // En islam siberian. Paris, 2000.

Seleznev A.G. Le syncrétisme islam-paganisme chez les peuples turks de Sibirie occidentale // En islam sibirien / ed. S.A. Dudognion. Paris, 2000.

Zarcone T. Les confréries soufies en Sibérie (XIX^e siècle et début du XX^e siècle) // En islam sibirien / ed. S.A. Dudognion. Paris, 2000.